

Покровская Н. Н., Сметанина Т. В., Шелонаев С. И.

Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций

Pokrovskaya N. N., Smetanina T. V., Shelonae S. I. Social Interactions within Participative Models of Distributed Networking: Updating Concepts in the Context of Digital Transformation

В статье показано, что социологический анализ современных социальных практик, коммуникаций и взаимодействия участников сообществ, локальных и виртуальных групп опирается на ряд методологических подходов, которые нуждаются сегодня в переосмыслении в связи с цифровыми трансформациями общественных процессов и структур. Установлено, что социально-управленческие подходы, применявшиеся в эпоху традиционного и современного общества (модернити) не всегда соответствуют задачам и социальной реальности пост-современного информационного общества («метамодерна»). В этих условиях, по мне-

Sociological analysis of up-to-date social practices, communication and interaction forms among community members, local and virtual groups is based on a number of methodological approaches that need to be re-conceived today in connection with the digital transformations of social processes and structures. Socio-managerial approaches used in the era of traditional and modern society (modernity) do not cover the total social reality and do not reply to the tasks and social practices of the post-modern information society (“meta-modernity”). In these conditions, the rethinking is required for the implementation of the basic concepts such

Покровская Надежда Николаевна — профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), профессор кафедры экономики и управления социально-экономических систем Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Сметанина Татьяна Владимировна — доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доцент, кандидат экономических наук.

Шелонаев Сергей Игоревич — профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиатехнологий СМИ Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, доцент.

© Покровская Н. Н., Сметанина Т. В., Шелонаев С. И., 2021

нию авторов, следует переосмыслить такие базовые понятия, как демократические инструменты государственного регулирования, отвергаемые Платоном и Аристотелем и затем снова предложенные на очередном витке социального развития К. Поппером. Понятие партисипативности, вернувшееся в социологический, социально-антропологический и социально-экономический дискурс в середине XX в., нуждается в развитии в эпоху тотальной цифровизации, дополнительно ускоренной мерами социальной изоляции ввиду пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19 (переходом на удаленную работу, расширением онлайн-сервисов и др.). Авторами статьи предпринята попытка выявить и охарактеризовать новые аспекты термина «партисипативность» применительно к пониманию моделей распределенных сетей экономических отношений (*sharing*) и в целом к цифровым формам социальных коммуникаций в обществе.

Ключевые слова: социальная коммуникация, сетевое взаимодействие, партисипативность, цифровизация, распределенные модели, интерактивность.

as democratic instruments of state regulation, once rejected by Plato and Aristotle and then again proposed at a new round of social development by K. Popper. The concept of participation, which returned to sociological, socio-anthropological and socio-economic discourse in the middle of the twentieth century, needs to be developed in the era of total digitalization, additionally accelerated by measures of social isolation in connection with the pandemic (the transition to remote work, the expansion of online services, etc.). The article attempts to present new aspects of the concept of participation in relation to understanding the models of distributed networks of economic relations (*sharing*) and, in general, to digital forms of social communications in society.

Keywords: social communication, network interaction, participation, digitalization, distributed models, interactivity.

Ситуация, связанная с участием индивидов и групп в разнообразных социальных структурах и процессах, существенно трансформировалась во второй половине XX в. В послевоенный период процессы гуманизации и распространения массового образования привели к изменениям в обществе, в том числе переходу от национального государства с его центральной ролью к гражданскому обществу и наднациональному регулированию, а также к изменениям форм самоорганизации и самоуправления индивидов и групп.

В 1950–1970 гг. в социально-экономической литературе стремительно возникают и становятся популярными среди ученых и практиков (специалистов социологии, государственного управления, менеджмента частного бизнеса) такие понятия, как партисипативное управление, солидарность, справедливость (например, теория справедливости в менеджменте Дж. С. Адамса [1] и социологии Дж. Роулза [2]), электронное правительство и электронная демократия, распределенные сети, поведенческие модели викиномики [3] и др. Изменение формата и содержания социальных взаимодействий привело к возникновению альтернативных форм регулирования поведенческих моделей социального действия и организации разнообразных ресурсных потоков [4]. Среди них — появление блокчейна, в частности умных контрактов на блокчейн-платформах и криптовалют как замены фиатным деньгам (традиционно эмитируемым государством и опирающимся на доверие граждан к государству, что находит отражение в наименовании банкнот «кредитные билеты», от лат. *credo* — «доверяю»), в рамках которых инвестиции и вклады в социальные проекты осуществляются на основе индивидуальных коммуникаций типа *p2p* [5] (*peer-to-peer* — «от соседа к соседу» или *person-to-person* — «в межличностном формате»).

В настоящей статье нами рассмотрены вопросы актуализации и операционализации понятийно-терминологического аппарата предметного поля социологического, социально-политического и социально-экономического знания в сфере изучения партисипативных моделей организации социального действия относительно новой цифровой реальности, в которой коммуникация молодого (а в связи с пандемией в большей мере и старшего) поколения осуществляется в мире социальных сетей, поведение и деятельность проходят в условиях удаленной работы через разнообразные цифровые каналы. Модели принятия решений усложняются, опираясь на уникальную экспертизу, мотивацию и креативность ряда участников.

Понятие партисипативности представлено в различных областях научного знания, являясь междисциплинарным явлением, которое имеет глубокие корни, уходящие к ранним этапам исторического развития человека и становления цивилизации, от афинской демократии в ее высоком понимании (Платон и Аристотель трактовали ее как форму навязывания решений бедным большинством богатому меньшинству, осуждая такую форму ее применения [6]) до псковского и новгородского вече. Однако, чтобы доказать или опровергнуть подобные гипотетические допущения, целесообразно обратиться к терминологической базе, сформированной отечественными и зарубежными исследователями в различных областях знаний.

Понятие «партисипативность» (в ряде публикаций — «партиципативность» или «партиципаторность» [7; 8; 9]) основано на русифицированном произношении латинского слова *participatio*, означающего «участие». Значение данного термина по-разному раскрывается в спектре его применения, но корневая основа подразумевает культуру и модели участия или соучастия людей в достижении общих целей, решении общественных проблем. В зависимости от сферы применения получили распространение разнородные интерпретации партисипативности с учетом акцентов на процессах принятия решений, содержании выполняемой деятельности, социокультурных регулятивных механизмах формирования и контроля партисипативного поведения.

В научной среде понятие партисипативности впервые использовано в XX в. французским ученым, антропологом, философом и этнологом Л. Леви-Брюлем [10]. В процессе исследования жизнедеятельности и социализации человека в первобытном обществе он подчеркивает, что участие было одной из важнейших норм и закономерностей древнего общества. Им предложен «закон партиципации», предусматривающий сопричастность между отдельными индивидами или предметами в понимании первобытного общества. Л. Леви-Брюль подразумевал под партиципацией действия, основанные на коллективных представлениях об истинной природе вещей и событий, которые позволяли первобытному человеку объяснить те или иные явления [10].

Намеренный или ненамеренный вывод о невозможности разрешения сложных проблем, предотвращения коллективных рисков и достижения групповых и общественных стратегических целей в порядке индивидуального принятия решений, сделанный мыслителями (например, К. Поппером [11]), послужил импульсом для развития партисипативности как соучастия каждого члена общества в достижении той или иной цели, что обусловило целесообразность и эффективность разделения труда, дифференциации общества и построения различных форм социальной иерархии. Общества, сумевшие эффективно организовать свой социум, адаптироваться к жизни в обществе с теми или иными моделями соучастия, смогли решить стратегические задачи выживания и развития цивилизации путем проявлений партисипативности. Поэтому понимание закона партисипативности

Л. Леви-Брюля целесообразно расширить до понимания адаптационных стратегий [12] индивидов и групп.

Таким образом, партисипативность можно считать характеристикой, свойственной человеку в ходе развития и выживания социума, адаптации к внешней среде и использования внешних условий для достижения личных или общественных целей, улучшения качества жизни, повышения безопасности существования и развития общества.

С точки зрения современного государственного регулирования сущность понятия партисипативности отражена в самоуправлении и самоорганизации индивидов и коллективов на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях. Так, в работе А. Н. Агеевой отмечено, что в связи с развитием современного общества в мире наблюдается все большая заинтересованность граждан в управлении общественными делами [13]. Под партисипативностью А. Н. Агеева понимает активное участие граждан, их вовлеченность в управление общественными и государственными делами через социальное партнерство, сотрудничество с органами муниципальной и государственной власти в вопросах реализации прав граждан и формирования среды жизнедеятельности, в которой они проживают. А. Н. Агеева приводит несколько основных причин развития партисипативности: повышение уровня образования и значимости знаний; развитие институтов гражданского общества; возросшие требования граждан к качеству услуг органов местной и государственной власти, к которым можно отнести повышение осведомленности граждан и доступа к источникам информации; развитие ИКТ-технологий; глобализацию и цифровизацию общества.

Если предположить, что члены современного общества обладают более развитыми интеллектуальными характеристиками, то они более активно и инициативно воплощают собственные интересы в вопросах партисипативного решения проблем социально-экономического развития. Д. О. Куценко утверждает, что партисипативность является одним из ключевых элементов качественного государственного и муниципального управления англосаксонской, германской, французской и смешанных систем местного самоуправления [14]. Соответственно, в современной действительности государственное управление может успешно использовать партисипативный стиль и различные социальные технологии участия населения в государственном и муниципальном управлении [15].

Сегодня партисипативность представляет собой социальный процесс, с помощью которого граждане получают возможность участвовать в решении значимых социально-экономических вопросов путем реализации социального партнерства между гражданским обществом и государством. В политическом контексте партисипативность можно определить как «деятельность, которая предназначена или имеет следствием прямое или косвенное влияние на действия правительства» [16], гражданскую партисипативность (*civic engagement*) — как «индивидуальное и коллективное участие в общественно значимых, государственных делах» [17]. Близким по смыслу является анализ понятия «наделения властью» (*empowerment*) [18], которое употребляется в аналитических и научно-практических публикациях для обозначения процесса вовлечения определенных групп населения в процессы принятия значимых управленческих решений и развития регулирования на уровне локальных и региональных сообществ, вплоть до наднационального и глобального уровня регулятивных процессов [19].

С точки зрения современной экономики явление партисипативности прослеживается в такой экономической теории, как партисипаторная экономика (*participatory economics*, «парекон» [20]), всеобъемлющей модели, альтернативной современному капитализму и централизованному планированию в социализме.

Вопрос о будущей альтернативной экономической модели — это проблема направления развития общественных структур в условиях, когда капитализм и плановая экономика в их современном состоянии исчерпали и во многом дискредитировали себя [21].

Капитализм во всем разнообразии его форм выступал доминирующей системой в большинстве стран мира в течение последнего столетия. За последние десятилетия благосостояние и материальный уровень жизни многих групп населения повысился прежде всего в результате социально-политических и демократических движений по контролю над системой и противодействию жажде прибыли (*profit-driven business* как бизнес-модель, ориентированная только на доход без обязательств, без корпоративной социальной ответственности и участия в социальном обеспечении работников и иных лиц, которых затрагивает деятельность фирмы). Тем не менее сегодня глобальный социум сталкивается с такими общественными вызовами, как растущее неравенство между богатыми и бедными, экологические изменения, акцент на потребительство, повторяющиеся финансовые кризисы, все более длительный рабочий день и прекаризация труда [22; 23; 24], монополия власти и множество других нежелательных последствий, мешающих эффективной организации жизнедеятельности индивида и устойчивому развитию общества.

Большинство наемных работников имеют крайне низкий уровень контроля над своей трудовой жизнью. Вместе с тем крупные корпорации и лоббистские группы приобрели значительное влияние на политическую систему. Как показывают лозунги движения *оссиру* (в основном в США и англо-саксонских странах в ходе развития финансового кризиса 2009–2010 гг.), в частности «мы — 99 %», система продвигает интересы немногочисленной элиты выше подавляющего большинства и тем самым не только воплощает идеологию несправедливости, но и ведет общество к экологическим и социальным катастрофам (бедности, голоду, перенаселенности, недостатку природных ресурсов и т. д.) [25]. Так, в 1980-х гг. консервативный британский премьер-министр Маргарет Тэтчер заявила, что альтернативы существующей системе нет (*“TINA doctrine”, there is no alternative*). Часть экономического и социологического научного мира в ответ на эту догму утверждала, что другой мир возможен. Однако большинство из них до сих пор не могут представить последовательную и убедительную альтернативу.

В первой половине XX в. рабочие в разных частях мира оказали результативное противодействие формам государственного капитализма, требуя большей экономической справедливости (Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в Российской империи, деятельность профсоюзов и политических партий в странах Западной Европы и Северной Америки) и более широкого контроля над своей трудовой жизнью. Одновременно в Советском Союзе и других частях мира возникла иная доминирующая система — социализм и экономика централизованного планирования. В рамках этой системы частная собственность на производственные активы заменена государственной, а конкурентные рынки — Госпланом. Привилегированный класс чиновников государственных ведомств («номенклатура») занял властное положение в обществе и, не допуская интеллектуальную элиту к управлению при доминировании социальной иерархии, основанной на nepoтизме (вместо меритократии), догматически и не критично воплощал принципы марксистской парадигмы (отражающей закономерности эпохи индустриализации), не адаптируя их к реальности постсовременного общества, что в итоге спровоцировало перекоc в сторону «производства средств производства» и оборонно-промышленного комплекса, что и привело в 1980-е гг. к «перестройке» и возврату к ценностям удовлетворения потребностей

людей как конечных потребителей. Основой недовольства народных масс, критики практиков и теоретиков внутри той или иной экономической модели всегда служила различная интерпретация социальной несправедливости (объяснение факторов перераспределения материальных ресурсов), отсутствие реального формата демократии как действительного соучастия в управлении государством и способа существования гражданского общества, участия граждан в решении общих проблем и достижении общих задач.

Партисипаторная экономика ориентирована на построение справедливого социального правового государства, которое, в свою очередь, является способом организации и существования гражданского общества [26; 27; 28]. Осуществление демократии в таких условиях будет представлять собой реальное участие, соучастие и причастность каждого индивида, групп и сообщества в целом в решении стратегических задач глобального, национального, регионального или местного уровня, в справедливом распределении как ответственности и обязанностей, так и ресурсов для реализации взаимодействия государственных структур и гражданского общества посредством социальных технологий партисипативности.

Таким образом, модель партисипативной экономики — это попытка сформулировать конструктивный ответ на вопрос об экономическом видении, более справедливом развитии общества и демократической экономики в будущем. С точки зрения проблематики настоящего исследования интересны основа и ключевые ценности указанной модели, имеющие социально направленный фундамент:

- самоуправление — принятие решений пропорционально степени воздействия на человека;
- справедливость — вознаграждение за вклад или личные усилия и пожертвования;
- солидарность — забота о благополучии других;
- разнообразие — признание права на процветание различных стилей жизни и результатов;
- эффективность — достижение целей с учетом ограничений времени и ресурсов;
- устойчивость — защита и забота о природной среде;
- работа, деятельность, сбалансированная по различным уровням возможностей и желательности;
- процедура планирования с участием всех заинтересованных сторон.

Интерес к перечисленным принципам основан на росте масштабности проблем социально-экономического характера и стремлении глобального общества к большей социальной справедливости в условиях, когда качество человеческого капитала (личные способности, таланты, творчество, изобретательство, навыки исследований и готовность длительно учиться) определяет успешное развитие общества в условиях инновационной экономики знаний [29; 30; 31].

С социологической и социально-управленческой точки зрения партисипативность следует рассматривать как социальное явление [32; 33]. С методологических позиций партисипативность позволяет преодолеть разобщенность повседневного восприятия социальной реальности и научно-теоретического анализа [32]. Кроме того, данное понятие отражает характер коллективной деятельности, подразумевающей многочисленность форм участия и разнородность категорий участников при общности интересов, что позволяет получать синергетический эффект от социальной интеракции.

Специфика партисипативной деятельности как социального явления формирует «зонтичный» характер понятия, в котором находят взаимное согласие

индивидуальная и социальная реальности, личностная и общественная плоскости взаимодействия, личные интересы и цели социума, персональная и коллективная ответственность за действия и их результаты. Этот вывод базируется на глубоком и всестороннем анализе явления партисипативности как социального процесса. Проведенный социологический анализ данного явления в разных аспектах жизнедеятельности человека и общности позволил обнаружить широкий пласт методологического базиса для осмысления партисипативной проблематики как социального процесса и предмета социологического, социально-экономического анализа [32].

Классическая социология сформировала методологическую основу для изучения партисипативности как проявления активной позиции городского населения в вопросах преобразования городской среды. Во-первых, методологический корпус включает в себя теорию социального действия М. Вебера, заложившего фундамент изучения повседневности в контексте социальных практик [34; 35; 36; 37]. Во-вторых, это — теория социальной солидарности Э. Дюркгейма, получившая в настоящее время развитие в социологии сплоченности и включенности [38; 39; 40]. Акторы (действующие лица) придают своим социальным действиям субъективный смысл и строят их исходя из взаимной ориентации [41; 42; 43; 44]. Действия индивида выступают в качестве базовых единиц образования социальных процессов, явлений, объединений. При этом в социальных действиях людей сконцентрирована направленность их интереса и осмысленность мотивов [45; 46; 47].

Партисипативность как индивидуальное социальное действие служит следствием пробуждения определенного интереса городского жителя к общественной реальности как социальному факту городской жизни и образования мотива действия по удовлетворению этой заинтересованности. Проблемный характер проживания в городах, проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формируют истоки солидарного участия горожан — индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы на локальной территории тесных социальных интеракций [48; 49; 50].

Явление партисипативности в современном обществе прослеживается и с точки зрения взаимодействия граждан в условиях рыночных отношений. Для анализа сущности этого явления в области взаимоотношений продавца и потребителя товара или провайдера и пользователя услуг как одного из проявлений партисипативности обратимся к историко-генетическому подходу и рассмотрим пример устройства общественных отношений одного из древнейших городских поселений человека — Чатал-Хююка, датированного керамической эпохой неолита и энеолита, самые ранние слои которого относятся к 7400 г. до н. э. Особенность такого поселения заключается в отсутствии признаков заметной разницы между жизнью богатых и бедных, отсутствии административных сооружений: дома местных жителей были приблизительно одинаковыми, но каждая семья имела возможность независимого существования [51; 52]. Вероятно, поселение не имело централизованного управления, однако активно развивалось на протяжении 2000 лет. Это может служить примером роли партисипативности как инструмента организации человеческого общества.

Одно из проявлений партисипативности сегодня — современные шеринг-платформы (*sharing platforms*) *Uber* или *Airbnb*. Модель социально-экономического поведения «распределенного потребления» основана на том, что товары и услуги используются коллективно, на условиях бартера или аренды, в этих взаимодействиях могут участвовать и индивиды, и корпорации [53]. С начала 2000-х гг. парадигма экономики «распределенного потребления» (*sharing economy*)

получила широкое распространение в качестве обобщающего термина, описывающего культурную, технологическую и экономическую трансформацию, вызванную инновациями в сфере информационно-коммуникационных технологий [54]. Распространение фундаментальной идеологии экономического поведения на основе совместного использования благ влияет на ряд политических инициатив в области цифровизации, экономического роста, образования и социальных стандартов [55; 56; 57]. Возникает понятие “network governance”, то есть сетевого управления [58], отражающее новые формы регулятивных механизмов [59], адаптированные к современной социальной реальности.

Цифровизация изменяет характер взаимодействия в обществе, в частности посредством социальных сетей, которые ряд авторов описывают, используя термин “participatory media” [60] («соучастные медиа» или «партиципативные средства коммуникации»). Нередко цифровые медиа характеризуются как средства участия: пользователи реализуют ресурсы цифровых медиа для участия в политической, профессиональной, образовательной и социально-культурной деятельности [61; 62]. Очевидна роль партиципативных медиа в создании социального капитала («где участники чувствуют некоторую степень социальной связи друг с другом» [63]), поскольку их объединяет социокультурная идентификация [64] и сходное определение своей идентичности через принадлежность к одной социальной сети и аналогичным онлайн-сообществам. В свою очередь, онлайн-партиципативность включает в себя понятие *UGC* (*user generated content*, пользовательский контент), так как создание и распространение этого содержания происходит в интернете, и оно адресовано определенной целевой аудитории для достижения общей социальной цели [65]. Тем самым явление партиципативности в современных реалиях приобретает цифровой характер, а технологии, на которых основано функционирование партиципативных медиа, увеличивают возможности и доступ массовых категорий населения к реализации принципов партиципативности при решении значимых государственных и общественных вопросов.

Феномен такого социального явления, как партиципативность, необходимо дифференцировать для дальнейшего изучения возникающих в рамках его осуществления взаимодействий. В этом контексте целесообразно выявить критерии различения и факторы развития социальной среды в рамках принципа партиципативного управления и самоуправления, поскольку разные среды характеризуются набором ценностей и социальных установок, отражая специфический габитус [66], который служит одновременно и продуктом социальных условий (объективированных предыдущих практик), и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях, изменяющим и упорядочивающим поведение индивида (средством объективирования практик). Иными словами, повседневная деятельность городского жителя как «потребителя» городской среды, сформировавшаяся в определенных условиях жизни, воспроизводит привычный паттерн действий. Изменяемость городской жизни и нарушение рутинизации повседневных социальных практик подталкивает индивидов к необходимости создания новых моделей социальных действий, которые бы сняли противоречия в городской жизнедеятельности.

Партиципативность в современном обществе, подверженном повышенной урбанизации и цифровизации, должна быть построена на четком и дифференцированном понимании уровней и форм участия. Динамика партиципативности варьируется в зависимости от степени вовлеченности в социальные отношения в рамках того или иного сообщества, различных целей (например, работа или отдых), определяющих спрос на те или иные услуги. Растет информированность участников в обсуждении проблемных вопросов, а институты электронной демо-

кратии дают дополнительный инструмент для волеизъявления горожан и граждан. Таким образом, партисипативность проявляет себя как право человека на выражение собственных интересов и действий, эффективная реализация которого происходит благодаря приумножению участников-субъектов права. Поэтому под городской партисипативностью можно понимать активное участие горожан в решении проблем городского благоустройства, вопросов развития городского пространства в интересах городских жителей, которое в совокупности является выражением прав человека в управлении городом [67; 68; 69]. Динамика институционализации партисипативности наблюдается на протяжении периода от осмысления потребности в преобразовании городской жизни через придание совместному действию, общим интересам и целям горожан ценностного характера до формирования традиции участия в жизни города, его облагораживания, формирования привычности и признания нормы данной деятельности.

Для активизации партисипативности и стимулирования включенности сегодня широко используются разнообразные формы вовлечения и распределения ответственности [70], геймификации и придания дополнительного ценностно-смыслового содержания [71], мобилизации соратников, а также применения разнообразных форм передачи позитивного опыта и снижения негативных впечатлений [72; 73]. Можно сделать вывод о том, что социологический анализ партисипативности как подхода к организации социальных взаимодействий и настройки коммуникаций в рамках физического и цифрового присутствия сегодня отражает и урбанизированные социальные практики, и модели распределенных сетей, в которых индивиды и группы способны в большей мере, нежели это предполагали афинские мыслители, реализовать достоинства демократии на основе информированности, более высокого уровня образования и готовности проявлять социальную активность для улучшения условий своей жизнедеятельности.

Литература

1. *Adams J. S.* Inequality in social exchange // *Advanced Experimental Psychology*. 1965. Vol. 62. P. 335–343.
2. *Rawls J. B.* A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 560 p.
3. *Бойко С. В., Покровская Н. Н., Слободской А. Л., Спивак В. А.* Социально-экономические вопросы мотивации сотрудников в условиях удаленной и распределенной работы // *Социология и право*. 2021. № 1 (51). С. 6–17. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-6-17
4. *Захаров Н. Л.* Организационное поведение государственных служащих. М.: ИНФРА-М, 2014. 237 с.
5. *Pokrovskaja N. N.* Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // *Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements, SCM 2017*. IEEE Explore, 2017. P. 709–712.
6. *Аристотель.* Политика // *Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4.* М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
7. *Секун В. И.* Партиципативное управление и демократия // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 70–75.
8. *Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра minecraft как реализация концепции распределенных сетей // *Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. Р. Тростинской.* СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 104–108.

9. Стародубцева М. Н., Чистякова М. Г. Партиципаторный музей в контексте искусства соучастия // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). С. 105–110. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11214
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.
11. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Spell of plato. London and Henley: Plato Routledge and Kegan Paul, 1945. 448 p.
12. Бурова Н. В., Покровская Н. Н. Эволюция личных адаптационных стратегий в период посткризисного развития экономики и переориентация коммуникационной политики международных образовательных программ // Маркетинг взаимодействия и технологии пространственно-системной экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Г. Л. Багиева, О. У. Юлдашевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 74–81.
13. Агеева А. Н. Партиципативные социальные технологии принятия муниципальных управленческих решений в зарубежных странах // Juvenis scientia. 2017. № 8. С. 38–41.
14. Куценко Д. О. Анализ политико-правовых моделей организации местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2020. № 5 (137). С. 154–165. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-5-154-165
15. Дорошенко Н. Н., Капица С. И., Покровская Н. Н. Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // Социология и право. 2013. № 4 (21). С. 20–35.
16. Brady H. E., Verba S., Schlozman K. L. Beyond SES: A Resource Model of Political Participation // The American Political Science Review. 1995. Vol. 89. No. 2. P. 271–294. DOI: 10.2307/2082425
17. Brint S., Levy C. S. Professions and civic engagement // Civic engagement in American democracy / eds. T. Skocpol, M. P. Fiorina. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 1999. P. 163–210.
18. Perkins D. D., Brown B. B., Taylor R. B. The ecology of empowerment: Predicting participation in community organizations // Journal of Social Issues. 1996. Vol. 52. No. 1. P. 85–110. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1996.tb01363.x
19. Pokrovskaja N. N. National and supra-national financial regulatory architecture: transformations of the Russian financial system in the Post-Soviet period // Financial Development, Economic Crises and Emerging Market Economies / ed. F. Ülgen. London, UK: Routledge, 2017. P. 206–222.
20. Albert M. Parecon: Life After Capitalism. London: Verso, 2003. 311 p.
21. Albert M. Realizing Hope: Life beyond Capitalism. London: Zed Books, 2014. 198 p.
22. Бурова Н. В., Коноплянник Т. М., Покровская Н. Н. Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», 2019. Т. 1. С. 95–98.
23. Roy K. M., Tubbs C. Y., Burton L. M. Don't have no time: Daily rhythms and the organization of time for low-income families // Family Relations. 2004. Vol. 53. No. 2. P. 168–178. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00007.x
24. Wei F., Alushev R. S., Pokrovskaja N. N. Global harmonization of tax regulation within digital economy of knowledge: textbook. St-Petersburg: SSUE, 2019. 79 p.
25. Albert M., Hahnel R. The Political Economy of Participatory Economics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 144 p.
26. Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.
27. Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Н. М. Никольского. М.: Педагогика-пресс, 2000. 382 с.
28. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
29. Asanov I. A., Pokrovskaja N. N. Digital regulatory tools for entrepreneurial and creative behavior in the knowledge economy // Proceedings of the 2017 International Conference

- “Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies”, IT and QM and IS. New York: IEEE Explore, 2017. P. 43–46. DOI: 10.1109/ITMQIS.2017.8085759
30. *Davis S. M., Botkin J. W.* The Coming of Knowledge-Based Business // Harvard Business Review. September — October 1994. P. 165–170.
31. *Zakharov N., Kuznetsov A., Perfil'yeva M.* The impact of Industry 4.0 on the labour market in Russia // Proceedings of the 2nd international scientific conference “The impact of Industry 4.0 on job creation 2019”. Trenčianske Teplice, Slovak Republic: Publishing House Alexander Dubček University in Trenčín, 2021. P. 454–456.
32. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Городская партисипативность в социологическом дискурсе // Дискурс. 2020. № 6 (4). С. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61
33. *Kirlin M.* Understanding the Relationship between Civic Skills and Civic Participation: Educating Future Public Managers // Journal of Public Affairs Education. 2005. Vol. 11. No. 4. P. 305–314.
34. *Weber M.* Methodology of the Social Science. Glencoe (Illinois): The Free Press, 1949. 188 p.
35. *Вебер М.* Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
36. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
37. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Метод в социальной антропологии. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 169 с.
38. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
39. *Покровская Н. Н.* Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 12. С. 128–137.
40. *Быстрянец С. Б.* Методология исследования Э. Дюркгейма и возможность ее использования в политическом регионоведении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2018. № 1. С. 3–14.
41. *Schutz A., Luckmann Th.* The Structures of the Life-World / translated from the German by R. M. Zaner, H. T. Engelhardt Jr. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1973. 335 p.
42. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. А. Я. Алхасов, Н. Я. Мазлумянова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
43. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
44. *Margulyan Y., Pokrovskaja N.* Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // GISAP: Economics, Jurisprudence and Management. 2014. No. 5. P. 6–8.
45. *Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. No. 7. P. 177–182.
46. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
47. *Захаров Н., Куцын Н.* Мотивация «против» стимулирования // Социалистический труд. 1991. № 11. С. 90–97.
48. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н.* Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
49. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А.* Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
50. *Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F.* History, creativity and innovation of the ‘Italia’ network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.

51. *Taylor J. S., Issavi J., Berggren Å., Lukas D., Mazzucato C., Tung B., Dell'Unto, N.* 'The Rise of the Machine': the impact of digital tablet recording in the field at Çatalhöyük // *Internet Archaeology*. 2018. Vol. 47. DOI: 10.11141/ia.47.1
52. *Morgan C.* Analog to Digital: Transitions in Theory and Practice in Archaeological Photography at Çatalhöyük // *Internet Archaeology*. 2016. Vol. 42. DOI: 10.11141/ia.42.7
53. *Botsman R., Rogers R.* What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Business, 2010. 304 p.
54. *Schor J. B.* Does the sharing economy increase inequality within the eighty percent? Findings from a qualitative study of platform providers // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 263–279. DOI: 10.1093/ cjrsw047
55. *Капица С. И., Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Игровые регулятивные механизмы в геймификации цифрового образования и передачи знаний // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Политех-Пресс, 2021. С. 167–175.
56. *Слободской А. Л., Теребкова Т. А., Гарин А. К.* Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 287–289.
57. *Usacheva E., Chechulin A., Zakharov N.* Model of complex analysis of internet communications in st. petersburg tourism marketing // *Proceedings of the 12th international scientific conference "New Challenges in Economic and Business Development — 2020: Economic Inequality and Well-Being"*. Riga: University of Latvia, 2020. P. 487–496.
58. *Civic Engagement in a Network Society* / ed. E. Bergrud, K. Yang. Charlotte, North Carolina: Information Age Publishing, 2008. 323 p.
59. *Покровская Н. Н.* Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // Социология и право. 2012. № 1. С. 20–33.
60. *Schradi J.* The digital production gap: The digital divide and Web 2.0 collide // *Poetics*. 2011. Vol. 39. No. 2. P. 145–168. DOI: 10.1016/j.poetic.2011.02.003
61. *Andreotti A., Anselmi G., Eichhorn Th., Hoffmann Ch. P., Micheli M.* Report from the EU H2020 Research Project Ps2Share: Participation, Privacy, and Power in the Sharing Economy [Электронный ресурс]. EU: Participation in the Sharing Economy, 2020. 44 p. URL: <https://www.bi.edu/globalassets/forskning/h2020/participation-working-paper.pdf> (дата обращения: 26.05.2021).
62. *Hoffmann Ch., Lutz Ch., Meckel M.* Content creation on the Internet: a social cognitive perspective on the participation divide // *Information Communication and Society*. 2015. Vol. 18. No. 6. P. 696–716. DOI: 10.1080/1369118X.2014.991343
63. *Jennings M. K., Zeitner V.* Internet use and civic engagement: A longitudinal analysis // *Public Opinion Quarterly*. 2003. Vol. 64. No. 3. P. 311–334. DOI: 10.1086/376947
64. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 158–169.
65. *Belk R.* Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0 // *Anthropologist*. 2014. Vol. 18. No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1080/09720073.2014.11891518
66. *Bourdieu P.* Le Sens pratique. Paris: Les Éditions de Minuit (coll. "Le sens commun"), 1980. 475 p.
67. *Florida R.* The globalization of R&D: Results of a survey of foreign-affiliated R&D laboratories in the USA // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. No. 1. P. 85–103. DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00004-8
68. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
69. *Pokrovskaja N. N.* Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // *Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry* / ed. R.G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5

70. *Hamari J.* Do badges increase user activity? A field experiment on the effects of gamification // *Computers in Human Behavior*. 2017. No. 71. P. 469–478. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.036
71. *Бойко С. В., Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Игровые валюты как ценностно-регулятивный механизм в условиях цифровизации коммуникаций // *Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 58–64.*
72. *Lutz C., Hoffmann C. P.* The dark side of online participation: Exploring non, passive and negative participation // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 6. P. 876–897. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1293129
73. *Tussyadiah I. P.* Factors of satisfaction and intention to use peer-to-peer accommodation // *International Journal of Hospitality Management*. 2016. No. 55. P. 70–88. DOI: 10.1016/j.ijhm.2016.03.005

Контактные данные:

Покровская Н. Н.: 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29;
e-mail: nnp@spbstu.ru.

Сметанина Т. В.: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48;
e-mail: smetdipdok@mail.ru.

Шелонаев С. И.: 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 18;
e-mail: shelonaev@mail.ru.

Contact Details:

Pokrovskaya N. N.: 29 Politekhnikeskaya Str., St. Petersburg 195251, Russia; e-mail: nnp@spbstu.ru.

Smetanina T. V.: 48 Moyka emb., St. Petersburg 191186, Russia;
e-mail: smetdipdok@mail.ru.

Shelonaev S. I.: 18 Bolshaya Morskaya Str., St. Petersburg 191186, Russia;
e-mail: shelonaev@mail.ru.